

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 8296351B-EA9F-4370-8FB2-337C68B75FBE

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

Уморительный музыкальный критикан
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1.....	0005
КОММЕНТАРИИ.....	0016

В. В. Стасов
Уморительный музыкальный
критикан

Г-н Иванов довольно давно уже упражняется у нас в музыкальной критике. Но эта давность ничуть не идет ему впрок. Он, точь-в-точь как в самый первый день появления своего в печати, проявляет только одно и то же: свою крайнюю неспособность к пониманию музыки, к ее оценке, к схватыванию положительных и отрицательных сторон данного произведения. Никакая практика слушания, никакое хождение по театрам и концертам не сдвинули его с того места, какое он занял с самого начала, и продолжает, уже много лет, все одну и ту же канитель: выдавание белого за черное, черного за белое, а в общей сложности, выпускание на свет какой-то серенькой своей паутинки.

Всего более смехотворства производит обыкновенно г. Иванов тем, что, кроме глубоких своих мудрований о музыке вкривь и вкось, он еще с очень серьезным и достопочтенным видом преподает талантливым композиторам, которым он не дорос даже до мизинца на левой ноге, — невероятные советы, что бы именно им надо было сделать в своей музыке, и тогда уже наверное вышло бы что-

то очень хорошее! Примеры этого последнего юмористического занятия мы встречаем также и в той музыкальной статье его, которая есть в настоящую минуту последнее проявление его остроумного, интересного и блестящего пера.

Г-н Иванов напечатал свой разбор о «Садко» Римского-Корсакова. Но что это за разбор срамной такой, просто ужас! Само собою разумеется, он ничего не уразумел в высокоталантливой новой опере, приносящей такой блеск и славу новому музыкальному искусству, русскому искусству и имеющей, без сомнения, занять собой одну из самых крупных страниц в истории нашей музыки. Куда ему! С него довольно и того, что он займется основательными разборами всяческой европейской дребедени последнего времени, плохо понимая все, что в Европе делалось и делается истинно великого и талантливого. Ну, пусть он и продолжает себе всласть свое жалкое ремесло. Я не стану пускаться в разбор его печального разбора «Садко», создания, которое, быть может, более всякого другого придется ему не по плечу. Не стану. Пускай на

него дивятся и сами над ним смеются во все горло все те наши русские читатели, которые в самом деле любят создания русской музыкальной школы, понимают и ценят их. Но я хочу выставить на всеобщий вид несколько размышлений г. Иванова, заслуживающих, по моему мнению, особенного внимания.

Приговоры г. Иванова, по обыкновению многих не только критиканов, но даже иногда и настоящих критиков, довольно лукавые. Такие господа похвалят вам сначала то-то и то-то в разбираемом ими произведении, но тотчас же за каждым одобрением, даже самым умеренным, ставят: «но...» «но...», «но...», и в результате не получается уже никакого плюса, а только просто-напросто минус, которого разбирающий как будто вовсе и не имел в виду. Казалось бы, гораздо лучше было бы напрямки говорить: «А все это сочинение по моему никуда не годно, нет в нем ни дарования, ни толка, ни смысла». Так нет же: лукавцы так не хотят. Они и похвалят, и охают, так, чтобы в конце концов получался просто нуль, да если можно, еще с минусом. Вот этого-то, мне кажется, не надо терпеть и надо разобла-

чать все кротовые ходы и коридоры писателя-ненавистника.

Повторяю еще раз: не стану разбирать всю статью г. Иванова о «Садко», но укажу только то, что мне там особенно претит. Авось и на читателей (иногда читающих газету слишком быстро) эти местечки критики г. Иванова произведут такое же впечатление, как на меня.

Первым делом, г. Иванов пробует поколотить Римского-Корсакова — Рихардом Вагнером. И это со стороны даже одного только либретто. «Либретто Вагнера (по части легендарных его опер) полно захватывающего интереса и несомненно прославляет Германию...» Как же не прославлять! Ведь это напечатано в ста немецких лже-патриотических книжках, и число их прибавляется каждый день. Еще бы этим «захватывающим интересом» и этим «прославлением Германии» не убить наповал Римского-Корсакова. У него, само собою разумеется, никакого захватывающего интереса нет в «Садко», никакого прославления отечества. Еще бы! Куда ему! Но бедный г. Иванов о сю пору еще не слышал,

что есть в Германии немало светлых голов, которые, сколько ни признают талантливость и значительность Рихарда Вагнера, где они в самом деле есть, а все-таки видят также множество крупных недостатков, к несчастью, присущих многим сторонам его творчества, часто и оригинального, и могучего — а главное — находят просто нелепыми (в большинстве случаев), антилогичными, нестерпимо скучными и надутыми его либретто, их неестественный и натянутый язык, его действующие лица — бесхарактерными и только нестерпимо болтливými, безмерно многоречивыми. Надеюсь, что скоро мы прочитаем подробное подтверждение всему этому в нашей печати. Но, еще ранее того, мне кажется уже и теперь, всякий читатель, мыслящий собственной головой, а не по книжкам немецких фанатиков-вагнеристов, уже и теперь легко поймет, что Римского-Корсакова нечего корить «либреттами Рихарда Вагнера» и что никакому композитору, в том числе и нашему, служить примером, указкой и законом-они не должны и не могут. Римский-Корсаков написал свою оперу-былину совершен-

но оригинально, самостоятельно, не нуждаясь в справках ни с кем и ни с чем, потому что он оригинальный талант, и притом талант самобытно-русский, повинующийся лишь складу и художественному такту своего отечества. Если же говорить хотя бы только об одном «движении» в либретто «Садко», то, конечно, тут «движения и занимательности, и интереса в десять раз больше, чем во всех вагнеровских „Нибелунгах“, вместе сложенных. Музыки я здесь не касаюсь. Она требует своего особенного рассмотрения. Но и талантливость, и оригинальность ее (где они действительно есть) также никому не могут и не должны служить примером, и пунктом сравнения. Всякому народу и всякому таланту — свое.

Римский-Корсаков задумал написать русскую оперу-былину, т. е. нечто никем еще не пробованное и не писанное; значит, у него явились сейчас свои особенные формы, склад, выражения. В том числе он задумал, в известных случаях, дать своим действующим лицам говорить по-своему, по-особенному, по-былинному. Так вот нет же: г. Иванову все это не

годится, не нравится. Он кричит: Стоп, машина! Стой! Не смей так! „Пьеса на театре должна быть более свободною, не связанною ничем...“ Римский-Корсаков мог бы возразить: „Да на что мне вас слушать, г. Иванов? Пишите сами как хотите свои оперы, со свободой или без свободы, связанные или несвязанные вашим истинным, надлежащим талантом! А мне надо совсем другое!“ Но г. Иванов упорен и тверд. Он наверное знает, что и как следует делать.

Римский-Корсаков, в числе других собственно своих новых форм, употребляет необычный такт в 11/4. Г-н Иванов остается этим сильно недоволен. Говорит: Не надо! Не смей! „Это ритм более странный, чем логичный! Он ведет к тяжести...“ Римский-Корсаков тоже мог-бы возразить: „Да какое мне дело до того, тяжел ли вам мой ритм, или нет? Мне надо было изобразить возбужденную, сильно агитированную, волнующуюся речь новгородцев, словно поднимающихся от негодования на дыбы, разгорающихся от гнева. А вы мне — тяжело...“ Но Римский-Корсаков наверное ничего не ответит премудрому г. Ива-

нову, разве с презрением пожмет плечами.

Римскому-Корсакову надо было изобразить „новгородский пир“, о котором говорит былина. Г-н Иванов опять недоволен, опять корит автора: „Пир столь уж известен нам по другим операм! И неужели русская жизнь только и проходила, что в пирах и плясках, бражничаньи, песнях?..“ Да ведь в настоящую минуту речь шла не о „русской жизни“, а о „новгородском пире“, который непременно, непременно надо было тут изобразить. Опера велика: в ней кроме этой еще шесть других картин, и там, кажется, довольно всяческой русской жизни. Этих шести картин, кажется, г. Иванов не заметил. Но, сверх того, он не заметил даже и того, что в первой картине „Садко“ изображен теперь такой пир, какого не было и не могло быть ни в одной из всех прежних русских опер: пир без князя, без главного; пир, где люди постоянно выражают, на сто ладов, свою вольность, свою независимость, гордятся и славятся ею, а потом разделяются на две враждующие, неприятельские партии. В какой же еще другой опере он видел подобный, совершенно особенный пир?

Слона-то он и не заметил! Ах, бедный!

Римский-Корсаков представил такую жену Садко, какая нарисована в подлинной былине: нежную, глубоко преданную мужу, страстно его любящую и изнывающую от его равнодушия и своей опустыленности. Но г. Иванов не желает этого, опять корит автора. Он уверяет, что так не надо и что автор „мог бы наделить Садко женой-красавицей, любовь которой бессильна удержать певца от его страсти к путешествиям...“ А что если бы Римский-Корсаков ответил вдруг: „Прекрасно, прекрасно, только уж, пожалуйста, вы все это в своей собственной опере. Для моей же на полдвора всей этой пошлой итальянщины не нужно...“

Г-н Иванов уверяет, что Садко, да и вообще новгородцы, ездили по морям „из любви к путешествиям“. Он, жалкий studiosus, еще не слыхивал отроду, что новгородцы были купцы, разбогатевшие на торговле и ездившие для того на своих кораблях чуть ли не кругом всего света, он не заметил, не прочитал, не увидал, не услышал, что и Садко в былине и в опере для того же собирает товарищей и с ними едет вдаль!

Г-н Иванов уверяет еще, что в четвертой картине происходит какое-то „состязание певцов“ (словно речь идет о „Тангейзере“!). Но он не заметил, что три иноземца и не думали „состязаться“, а поют каждый про свое отечество, про его чудеса только потому, что отъезжающий в далекие края Садко просит каждого из них рассказать что-нибудь про свое отечество!

При этом чудную, могучую по силе, живописности, колориту и энергии песню варяга он называет „простенькой песнью“. Ах, какой; глухарь! Конечно, изящная, милая песнь индийского купца не стоит и четверти варяжской!

Г-н Иванов пускается даже в историю: уверяет, что скандинавов не надо называть варягами. Пожалуй, но только тогда надо было бы переучить по-новому всех древних русских людей. Только вот беда: пожалуй, они бы так и прыснули в лицо новоявленному учителю!

Г-н Иванов объявляет, что „это еще вопрос, существовали ли в эпоху Садко — скоморохи?“ Можно отвечать г. Иванову: никакого вопроса тут нет, кроме разве у тех, кто, не спро-

сясь броду, сунулся в воду. Были, были скомо-
рохи во времена Садко, г. Иванов: пойдите,
понаведайтесь, авось, узнаете, что есть в до-
казательство памятники и писанные, и рисо-
ванные.

Можно было бы тотчас же привести мно-
гое другое из статьи достопочтенного г. кри-
тика, да довольно, кажется, и того, что я вы-
писал. Музыкальные, исторические, художе-
ственные, литературные и всякие иные поня-
тия и знания г. Иванова как на ладони.

Впрочем, он может утешать себя тем, что у
нас есть, по музыкальной части, писатели
еще гораздо хуже и невежественнее его.

Самые блестящие их качества проявляют-
ся обыкновенно всего сильнее в те минуты,
когда появляется на свет какое-нибудь высо-
кое, талантливое, могучее художественное
произведение. Тут уж им приходит совсем ко-
нец, они только беспомощно скалят зубы и
хрипло лают, как шакалы, или помахивают
кисточками наверху головы, как комические
жирафы.

КОММЕНТАРИИ

«УМОРИТЕЛЬНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИКАН». Статья впервые опубликована в 1898 году («Новости и биржевая газета», 3 марта, № 61).

Статья направлена против реакционного музыкального критика и публициста, бездарного композитора и дирижера Иванова, являвшегося одним из главных врагов молодой русской музыкальной школы.

Михаил Михайлович Иванов (1849–1927) заведывал музыкальным отделом черносотенной газеты «Новое время» и литературным отделом журнала «Нувеллист»; писал, кроме того, в «Пчеле», «Нови», «Музыкальном листке», «Музыкальном свете», «Всемирной иллюстрации» и других периодических изданиях. В своих фельетонах выступал против новой русской музыкальной школы; в трехтомной «Истории музыкального развития России» дал искаженную картину развития русской музыки.

Двуличие Иванова-критика, замаскиро-

ванное в форму кажущейся беспристрастности, его мнимая разносторонность и умение проникать в различные периодические органы делали его, несмотря на все его ничтожество, вредным и опасным человеком для нового русского искусства. Отсюда и то «внимание», которое уделял Стасов Иванову, выразившееся в сочинении ряда посвященных ему статей.

Стасов глубоко презирал Иванова как композитора и музыкального писателя. Свои статьи о нем он снабжал хлесткими названиями: «Куриная слепота» («Новости», 1898, 31 марта, № 89), «Пачкуны» (об Иванове и Кравченко) («Новости», 1898, 3 ноября, № 303), «Увертки и перевертки г. Иванова» («Новости», 1899, 14 ноября, № 314), «Нищему грош» («Россия», 1901, № 750), «Храбрый дока» («Новости», 1902, 14 декабря, № 344), «Это бедный, жалкий г. Иванов» («Новости», 1902, 31 декабря, № 359) и др.

В статье «Уморительный музыкальный критикан» Стасов обрушивается на Иванова за его «Музыкальные наброски», посвященные опере Римского-Корсакова «Садко» («Но-

вое время», 1898, 2 марта, № 7906).

Опера «Садко» была как бы детищем Стасова. Он активно участвовал в разработке ее плана-сценария; именно он подсказал Римскому-Корсакову ввести образ Любавы, жены Садко, и настоял на том, чтобы начать оперу с картины «демократически-республиканского» пира; не без влияния Стасова Римский-Корсаков и подчеркнул в «Садко» темы вольности и патриотизма (см. письма Стасова к Римскому-Корсакову от 7 июля, 12 августа, 30 декабря 1894 года, 8 апреля 1897 года и 21 сентября 1906 года в журнале «Русская мысль», 1910, август, книга IX, стр. 110–115, 116–117, 119–120, 122–125, 146 и ответные письма Римского-Корсакова, в частности от 5 июля 1906 года, там же, стр. 142, а также письма Стасова к московскому музыкальному критику Кругликову от 20 сентября 1895 года и другие в журнале «Советская музыка», 1949, № 12, стр. 94–96, 99).

Статья «Уморительный музыкальный критикан» интересна и как образец музыкально-полемиического стиля Стасова. Нападая на своих врагов — Ивановых, Соловьевых, Зиновьевых,

вьевых, Галлеров, Коптяевых и тому подобных мелкоразрядных критиканов-вредителей, он не боялся, что «вся орава бездарных... „ретроградов“ обрушится на него в печати, а продолжал смеяться над тупостью и куриной слепотой всего их дурацкого лагеря», обещая всю «эту шваль мазну[ть] по губам так, что останутся много довольны!»; свои обещания Стасов выполнил (письма к Кругликову от 13 октября 1883 года, 18 апреля 1885 года и 24 ноября 1885 года в журнале «Советская музыка», 1949, № 8, стр. 57, 59, 61). С присущим ему полемическим огнем он «и колол, и рубил, и стрелял» в своих врагов (письмо Стасова от 24 ноября 1889 года, адресат не обозначен, см. книгу Влад. Каренина «Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности», часть вторая, стр. 455. — Л., 1927), напоминая «сказочного всадника, мчащегося вдаль с копьём в руке на огненном коне. Никогда он не писал: всегда он или принимал вызовы, или бросал другим перчатки, сражаясь направо и налево с бесподобным мужеством, с железною стойкостью и с каким-то ошеломляющим и сокрушающим азартом. Рубил он сплеча, целовал

от души и ругался от всего сердца» («Петербургские наброски» И. Ф. Василевского (за подписью «Буква») в «Русских ведомостях», 1894, 16 января, № 16).